

ЛИНГВИСТИКА

ИЗ ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ АРМЕНИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЧАСТЬ II

А.Б. АБГАРЯН
ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова

Изучение тысячелетних армяно-русских взаимоотношений до настоящего времени продолжает желать лучшего. Более лакунарный характер носит исследование языковых связей, ограничивающееся древним и новейшим периодами. За пределами внимания лингвистов остался период XVIII- XX вв., многочисленные письменные источники которого сохранили информацию об армянских проникновениях в русский язык. Среди них следует назвать и *пшиат*, которое также не нашло отражения в словарях русского языка XIX-XXI вв.

Ключевые слова: источниковедение, армяно-русские языковые связи, заимствования, арменизмы, *пшиат*.

Лингвисты не уделили должного внимания тому факту, что неоднократно упомянутое в русских описаниях Армении и кавказской флоры XIX-XXI вв. армянское по происхождению слово *пшиат* {1} «своеобразное южное дерево или кустарник семейства лоховых (*Eleagnus angustifolius*) с серебристой листвой, с приятным запахом и сладкими съедобными мучнистыми плодами» не включено в основную часть «Национального корпуса русского языка» [17], хотя там же приводится подтверждаемый лишь двумя примерами омонимичный *пшиат* в узкоспециальном значении «первый, поверхностный уровень понимания Торы в еврейской традиции». Только в параллельном корпусе этой информационно-справочной системы на бытование растения *пшиат* в русском языке указывает единственный пример из исторического романа «Раны Армении» армянского писателя, этнографа и педагога Х.Абовяна (1809-1848). Произведение это неоднократно издавалось в русском переводе С.В. Шервинского (1948, 1955, 1971) и включено в список источников упомянутого корпуса. К слову, число омонимов можно пополнить гидронимом *ПШИАТ* (Черноморское побережье), зарегистрированным со времен описания “Поездки в Черкесию” французского моряка Т. де Мариньи /1819/, и аббревиатурой *ПШИАТ*, декодируемой как “петербургская школа анализа текста”.

Такая ущербность в представленности рассматриваемого деревца не может не вызывать удивления. Насчитывающее 60-70 разнообразных видов, растение поражает и многообразием своих экзотических именований. Среди них более известны тюрк. *джиддэ*, *джигда*, *джида-джидда*, *дженгердук*, *джигердак*, *ида*, *игда*, *ийде*, перс. *сандиш*, *синдиш* и грузин.

пишати из армян. *пиат*. Встречаются и другие ботанические названия – *оливное дерево*, *серебряное дерево*, *мучной или северный финик*, *дикая маслина* (Крым), *армянские* (или *кавказские*, *бухарские*, *туркменские*) *финики* и пр., – что могло бы представить интерес для отдельного освещения.

В русских памятниках раннее упоминание этого ботанического вида по предварительным данным датируется лишь 1783 годом. В посвященном императрице Екатерине Второй переводном «Ботаническом подробном словаре, или Травнике» А.К. Мейера (1742-1807) деревце соотнесено с греч. *Calafidos*, англ., франц., итал. *Calaf* и видимо на базе исключительно кабинетно-библиотечных разысканий ошибочно пояснено: «Калафъ. Лох дерево есть род иностранной ивы, которая растет в Египте, в Персии, а также здесь, особенно узколистная, около Терека в Астраханской степи» [16 - II: 16]. Не по этой ли причине в своем описании автор подробно останавливается лишь на лечебных свойствах цветков лоха и ни словом не обмолвился об издавна известной полезности его плодов. Очевидно, этой путанице способствовало и созвучие *Calaf* с франц. *Le Chalef* (немец. *Der Oleaster*, англ. *Oleaster*, *Wild Olive*). Через три года в «Каталоге растений по алфавиту собранным из четырех частей света», принадлежащем перу П.А. Демидова (1710-1786) (сыну известного уральского горнозаводчика) без упоминания русского соответствия название транслитерировано как *элеагнус ориенталис* из латинского *Eleagnus orientalis*. В том же году *лох дерево* отнесено в разряд малорослого леса в «Уставе о лесах средней полосы» /1786/, утвержденном императрицей [20-22: 565], а также в переводе Василием Зуевым «Описания растений Российского государства с их изображениями...», изд. П.С. Палласом» [19]. Спустя некоторое время «Новый ботанический словарь на российском, латинском и немецком языках» одного из русских основоположников акушерства, ботаники и фитотерапии Нестора Максимовича Амбодик-Максимовича (1744-1812) вместе с *лох* выводит и нерусскую лексему *джигда* [1: 148]. Почти одновременно с ботаническими словарями с такой же ошибочной отсылкой к *Агновым ветвям* в смысле «Иерусалимская верба» (т.е. к растению, нам более известному под названием *палестинская* или *плакучая ива*) формы *лох*, *лоховый* с ударением на втором слоге нашли отражение в обоих изданиях «Словаря Академии Российской» (1789-1795; 1806-1822) [см., например, 22 - 3: 1321]. Те же словарные статьи почти дословно были повторены в «Словаре церковнославянского и русскаго языка» (1847) [II: 265]. Кстати, со временем такое произношение прилагательного претерпело сдвиг в ударении: в словаре В.В. Даля оно представлено в виде *лоховой* с последним ударным гласным, а современной нормой произношения признается уже *лоховый*.

Приведенные датировки хронологически относительны и не могут претендовать на окончательность, несмотря на свою временную кучность. Нет сомнений, что фиксация в письменном памятнике, являясь объективным показателем употребления слова, вместе с тем не позволяет категорично считать ее годом вхождения в язык. По стечению обстоятельств она могла и не найти отражения в

существующих и не отличающихся особой графоманией оригинальных источников, либо мог и не сохраниться или пока не обнаружен памятник, отражающий более старшую дату. Потому справедливо указание И.Г. Добродомова, "что с помощью письменных памятников устанавливается не время проникновения слов в язык, а всего лишь относительно точная дата заимствования его из устной речи в письменные памятники" [8: 24]. И отражение исследуемого названия в указанном старшем толковом словаре можно включить в число косвенных доказательств сравнительно ранней ее известности в устном употреблении, ибо словарь, как правило, регистрирует слово, уже достаточно адаптировавшееся в системе языка.

Спустя 10 лет после второго издания «Словаря Академии Российской» в русских описаниях Кавказа и Закавказского края уже встречаются упоминания и армянского *пшата*. Раннюю его фиксацию можно обнаружить в «Статистическом описании Нахичеванской провинции» близкого к декабристским кругам В.Н. Григорьева (1833). Здесь автор при описании провинции, в те времена входившей в составе Армянской области, среди фруктовых деревьев отметил «персики, сливы, груши, айва, яблоки, черешни, туты и пшат, издающий сильный и приятный запах (фрукты сего дерева наружным видом похожи на финики с мучнистым нутром)», из которых только *пшат* и *черешня* освобождены от подати [7: 20, ср. 197, 205]. Годом позже русский беллетрист, стихотворец и автор военно-исторических сочинений П.П. Зубов (ок. 1796 – после 1857) в своем четырехтомном описании «Картины Кавказского края, принадлежащего России» (1834-1835), содержащем самые разнообразные данные по истории, экономике, географии, природе, быту, нравам, религиозных обрядах и языке кавказских народов, в числе растений всего Кавказского края различает и *узколистный лох*, и *пшат* [12 - I: 191]. А в третьей части этого сочинения (1835) бытописатель указал на широкую распространенность слова, подчеркнув, что среди фруктовых деревьев Дагестана заслуживает особого внимания «восточный лох (*eleagnus orientalis*) или, как называют жители, *пшат*, коего плоды, мучнистые и вкусные, весьма похожи видом и цветом на финики» [12 - III: 231]. Тем не менее, путаница в именовании растения продолжала бытовать в русском языке: в том же году в своем «Статистическом описании Закавказского края» Орест Евецкий (1835) этот род мучнистых фиников почему-то спутал с *унаби* [9: 21] – с растением, хотя и сходным с лохом, но более известным под названием *зизифус настоящий*, *жузжуб*, *китайский финик* и др.

Благодаря преобладающей роли армянской торговли на протяжении XIX-начала XX вв. плоды *пшата* как товар были известны среди русскоязычного населения Кавказа. Распространению армянского названия на Кавказе способствовали и представления о пшате, как о необыкновенно счастливом растении, ягоды которого в качестве символа плодovitости и жизненной силы служили новогодним ритуальным угощением, а ветки благодаря колючкам и сильному запаху цветков – оберегами людей от злых духов. Поэтому с учетом ареала Армянского нагорья требуют дополнитель-

ного изучения существующие предположения, что голубь в клюве мог доставить Ною именно ветвь пшата, которую библейские авторы переименовали в более известную для них оливу.

Со второй половины XIX века арменизм в русских источниках упоминается значительно чаще. В 1856 г. лексему *пиат* упомянул в своих «Очерках Тифлиса и его окрестностей» дед известного поэта А.А. Блока, «отец русской ботаники» А.Н. Бекетов, основываясь на свои записи времен преподавания в тифлисской гимназии в 1849-1855 гг. [3]. В 1857 году варваризмы *пиат* и татар. *игда* были названы в русском переводе описаний путешествия по Закавказскому краю, предпринятого в апреле-октябре 1843 г. бароном и прусским чиновником А. фон Гакстгаузен (1792-1866) [4: 194]. Примечательно, что во время странствия по Армянской области его гостеприимным переводчиком и источником сведений о местном укладе жизни и народных преданиях был сам Х.Абовян. С 70-х годов Кавказский отдел Императорского русского общества акклиматизации в целях продажи уже селекционировал саженцы *пиата* (лоха) {2}, о чем ежегодно извещались читатели «Кавказского календаря» [«Кавказский календарь 1873»; ср. «Кавказский календарь 1900»]. То же наименование *пиат* без пояснений приводится и в очерках о жизни и природе крохотного армянского поселения в окрестностях Артвина возле города Ардануч, представленных в «Любопытных уголках Кавказа. Батумский округ. Сванетия» И.Каневским (1886) [13: 98].

Очевидно уже в это время лексема *пиат* была более известна среди русских, чем *джигда*, *игда*, и уже не требовала описательного толкования. Не случайно, записанную у кавказских татар загадку «рост маленький, одежда шелковая» С.Зелинский поясняет не татарским соответствием, а формой *пиаты* «плод кустарника того же названия» [10 - 2: 120]. В 1888 году армянское название плода и дерева упомянуто в составленной неким старожилом справочной книге «Кавказ» (1888). Этой известности могло способствовать и то обстоятельство, что в русских источниках указан обычай использования пшата в качестве грудничкового питания наряду с материнским молоком [11 - 2:14]. *Пиат* не обошла вниманием и военная литература. В военно-статистическом отчете о Закавказьи (1896) полковника В.Я. Лисовского отмечается провиантская значимость плодов растения: в садах Эриванской равнины «много также пшата, мелкий плод которого мучнист, сладок и имеет некоторую приятную кислоту» [15: 171, 164]. Наконец, в сочинении Н.Н. Шаврова (1911) о необходимости восстановления древней оросительной системы Мугани можно встретить ускользнувшую от внимания редактора опечатку *пиата* в женском роде [25: 41].

С XX века растение *пиат* стало достоянием и русского поэтического творчества. Значительный вклад в эту поэтизацию внесла армянская поэтесса М.Е. Маркарян, стихотворение которой под названием «В саду» в 1954 году было переведено знаменитой А.Ахматовой:

«Калитку в милый сад,
Где клён, и дуб, и ясень,

Гуляя наугад,
 Уж распахнула осень.
 Там пшат прекрасный мой -
 Серебряное диво -
 И тополь золотой
 В наряде горделивом.... »

Другой переводчицей армянской поэтессы М.Петровых *пшат-дерево* упомянуто в стихах «И серебролистый пшат», «Что видела я...» и др. Кстати, в ее же переводах можно обнаружить и окказиональное проникновение в русский язык названия *пшатени*, выведенного в заглавие сборника (1954):

Пшатени — армянская олива
 Вся в янтарных маленьких плодах,
 Листья серебристого отлива
 Плещут у дороги и в садах.
 Никакой язык не в состоянье
 Самым точным словом передать
 Милое твоё очарованье,
 Щедрое горячее дыханье,
 Серебристой тени благодать.

Поэтический образ деревца встречается и в стихотворении «Шум городов мне чужд и сердце гложет» С.Капутикян, переведенном А.Сагратяном:

...И пшатового дерева с отливом
 Намного серебристей серебра,
 Люблю село, где в воздухе лениво
 Порхает голубь сизого пера.

Под впечатлением от посещений Армении *пшат* в виде поэтического экзотизма можно встретить и в творчестве Веры Звягинцевой:

Пшат цветет. Над ручьями, над кровлями — пшат.
 Кружат голову ветры весенние.
 Тот, кто видел весной Аштарак, Арташат, —
 Никогда не забудет Армении.
 Пшат цветёт, льётся жизни струя через край,
 Дышит полдень уверенной силой.
 Здесь, — на этой земле, — человеческий рай, —
 Упоительный, трудный и милый.

В настоящее время в творчестве русскоязычных мастеров слова дерево признано поэтическим атрибутом армянской реальности: см., например, *пшат* и *пшати цар* в стихах «На армянской земле», ««Тихой любовью, невыносимой» из сборников «Армения во сне и наяву» и «Лики Армении» Е.В. Широковой-Тамбовцевой (2008-2011). *Серебряный пшат* вывел в своем сборнике стихотворений и воспоминаний (Томск, 1997) и ранее упоминавшийся переводчик С.В. Шервинский:

Над уступом скалы, на белёсом пути к Канакеру
 За камнями ограды – ручьём перерезанный сад,

Где чинар сановитый, где персики сладки не в меру

Где топорчатся смоквы и мреет серебряный пшат. («Кондитер»)

Не избежала упоминаний и проза. *Пшат* встречается в «Последнем пристанище» А.А. Авакяна (1919-1983), переведенном Эммой Канановой, в русском переводе повести «Приключения сеньора Мартироса» Агаси Айвазяна и мн. др. Употребление *пшата* можно также встретить в русскоязычной научной литературе и публицистике: слово обнаруживается в воспоминаниях «Моя миссия в Армении» первого посла России В.П.Ступишина (2001), статье «Неужели это было?» А.Саркисяна (2008) [21] и пр. А в книге «Духовные сокровища Арцаха» Кима Бахши /2012/ повествованию о пшате посвящена целая глава.

Несмотря на свою распространенность в русских оригинальных и переводных произведениях XIX-XXI веков {3}, лексикографы по-разному отнеслись ко включению этой лексемы в словари. Арменизм не нашел отражения в словаре В.В. Даля, в современном «Словаре русских народных говоров» (1965-2010). В качестве историзма слово отсутствует и в толковых словарях русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (1937), А.П. Евгеньевой (1981-1984), а также в притязавшем на академичность «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова (2000). По непонятной причине *пшат* не включен ни в один орфографический словарь русского языка (см. хотя бы претендующий на полноту «Русский орфографический словарь: около 180 000 слов» РАН под ред. В.В. Лопатина. 2-е изд., 2004). Тем не менее, первые отражения лексемы можно обнаружить уже в энциклопедических словарях с конца XIX века. Ранее *пшат* можно найти в «Ботаническом словаре» Н.Анненкова (1878) [2: 131] и «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза И.А. Ефрона (т. 50, 1898). Начиная с середины прошлого столетия вокабулы *пшат* и *пшатový* приведены в 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка» (1948-1965), в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка (1980), в двухтомном «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова (1985; 2-е изд. 1990), в толково-словообразовательном «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой (2000). Такой же разницей можно обнаружить в двуязычных переводных словарях. Если в раннем, более объемном четырехтомном «Русско-армянском словаре» (Ереван, 1957) слово не было включено в число вокабул, то уже в «Русско-армянском словаре» С.С. Гарибяна приводятся и *пшат*, и *пшатový* [6: 969], а в «Армяно-русском словаре» под ред. Е.Г. Галстяна армянские лексемы *փշտի*, *փշտովի* [*phshat*, *phshateni*] наряду со словом *лох* обоснованно пояснены родственным *пшат* [5: 692].

В целом можно заметить, что арменизмы *пшат* и *пшатový* незаслуженно исключены из словника Национального корпуса русского языка и тезаурусов и заслуживают включения в словари русского языка.

Примечания:

1. По свидетельству Р.Ачаряна, в диалектах армянского языка, на фоне преобладающего сохранения внутренней формы «колючий» встречается и этимологизация типа փշրաւ , փշրաւաւ [phshrat, phshrhat] «рассыпчатый» по ассоциации с мучнистостью плодов.

2. Очевидно, что наследниками тех селекционных работ в наши дни являются ценные садовые сорта *гондол-пшат* и *хурма-пшат* (финиковый) и менее ценные – *матна-пшат*, *пампал-пшат* и *гилас-пшат*, *кишмиш-пшат* и пр. К слову, этот же корень можно встретить и в торговом названии лекарства *пшантин* – концентрат дубильных и коллоидных веществ из плодов пшата по методу С.А. Мирзояна, применяемый в современной медицине в качестве противовоспалительного вяжущего средства.

3. Такая частотность упоминаний не может не вызвать сомнений в достоверности статистических данных «Большого словаря-справочника синонимов русского языка системы ASIS» В.Н. Тришина [<http://www.trishin.ru>], где на слово *пшат* якобы приходится один случай упоминания (в расчете на приблизительно 300 млн. слов). Впрочем, сама градация от доминантного русск. *лох*, *лоховник*, *лоховина* (1459 употреблений), через *джидда* (332 раза) к лексеме *пшат* вполне реальна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амбодик-Максимович Н.М.* Новый ботанический словарь на российском, латинском и немецком языках. - СПб., 1795-1804; 2 изд. – СПб., 1808
2. *Анненков Н.* Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. Изд. нов., исправл., доп. - СПб., 1878.
3. *Бекетов А.Н.* Воспоминания о преподавании в тифлисской гимназии в 1849-1855 гг. - www.nasledie-rus.ru/podshivka/7508.
4. *Гакстгаузен Август фон.* Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. Ч. 1-2. - СПб., 1857.
5. *Галстян Е.Г.* Армяно-русский словарь. - Ереван, 1987.
6. *Гарибян С.С.* Русско-армянский словарь. - III-е изд. - Ереван, 1982.
7. *Григорьев В.Н.* Статистическое описание Нахичеванской провинции, составленное В. Г. - СПб., 1833.
8. *Добродомов И.Г.* Вопросы хронологии тюркских заимствований в славянских языках // Советская тюркология. Баку, 1976, № 6.
9. *Евецкий О.* Статистическое описание Закавказского края в двух частях. - СПб., 1835. Ч. 1-2.
10. *Зелинский С.* Татарские пословицы, загадки и имена женщин // СМОМПК_1881_01 с. 57, ч. II лоха (пшаты) стр.120 // СМОМПК 1881, ч. II.
11. *Зелинский С.* Этнографические очерки из быта армян-переселенцев из Персии, живущих в Нахичеванском уезде Эриванской губернии // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1881. Вып. 2
12. *Зубов П.П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель. - СПб., 1834-1835. Ч. I-IV.
13. *Каневский И.* Любопытные уголки Кавказа. Батумский округ. - Тифлис, 1886-1898.
14. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. М., 2000.
15. *Лисовский В.А.* Закавказье. Ч. 1 // Записки Кавказского отдела ИРГО, 1896, кн. 20.
16. *Мейер А.К.* «Ботанический подробный словарь, или травник». - М., 1781-1783. Часть I-II.

17. Национальный корпус русского языка. // www.ruscorpora.ru
18. Обзорение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографском и финансовом отношениях. СПб., 1836. Ч. I-IV
19. Описания растений Российского государства с их изображениями... изд. П.С. Палласом. - [СПб., 1786, ч. 1].
20. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830, Т. 22, с. 565
21. Саркисян А. Неужели это было? // www.laodicea.ru/content
22. Словарь Академии Российской. СПб., 1789-1794, ч. 1-6. – изд. П.-1806-1822
23. Словарь церковно-славянского и русского языка. - СПб., 1847. Т. I-IV.
24. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Ушакова Д. Н. - М., 1935-1940.
25. Шавров Н.Н. Новая угроза русскому делу в Закавказье: предстоящая распродажа Мугани инородцам. - СПб., 1911
26. Saint-Martin Antoine Jean de. Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie. - Paris, 1819.- Т. 2.

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԲԱՌԵՐԻ ՌՈՒՄԱՅ ԼԵՋՈՒ ՆԵՐԹԱՓԱՆՑՄԱՆ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՔ. ՄԱՍ II

Ա.Բ. Աբգարյան
ԵՊԼՀ

Հայ-ռուսական հազարամյա հարաբերությունների ուսումնասիրությունը մինչ օրըս գտնվում է ոչ բավարար վիճակում: Ավելի բացթողումներով է լի լեզվական կապերի հետազոտությունը, սահմանափակված լինելով միայն հնագույն և նորագույն ժամանակաշրջաններով: Լեզվաբանների ուշադրությունից դուրս է մնացել 18-20-րդ դարերի բազմաթիվ ռուսական գրավոր աղբյուրներ, որոնք պարունակում են փոխառություններ հայերենից: Դա է նաև *փշատ* բառը, որը տեղ չի գտել 19-21-րդ դարերի ռուսաց լեզվի բառարաններում:

Առանցքային բառեր. աղբյուրաբանություն, հայ-ռուսական լեզվական կապեր, փոխառություններ հայերենից:

FROM THE HISTORY OF SOME ARMENISCUS IN THE RUSSIAN LANGUAGE. PART II

A.B. ABGARYAN
YSULS

By now, the study of multi-thousand-year-old Armenian and Russian relationships has left much to be desired. The research of linguistic affinity, limited by the ancient and recent periods, is somewhat of lacuna nature. Beyond the linguists' consideration has been left the period between the XVIII and XIX centuries, the multiple written records of which have preserved the information on penetration of Armenian into Russian. Of them *phshat* is worth mentioning, which has been neglected in the Dictionary of the Russian language of the XIX-XXI century.

Key words: the history of original sources, Armenian-Russians linguistic, connections, loan-words, Armenisms.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 14 мая 2017 г., подписана к печати в номер 2 (111) / 2018 26.12.2017.